

С. А. АДРИАНОВ

Третья Россия

«Не оживет, аще не умрет»¹

События разворачиваются с необычайной быстротой. Положение России меняется радикально. Вчера Ленин был главой шайки убийц, сегодня — он самый желанный собеседник для Ллойд-Джорджа. Какую еще более грандиозную смену декораций принесет завтрашний день.

Ряд ошеломляющих неожиданностей для тех, кто видел в русской Революции лишь кровавое политическое преступление. Но если не смешивать этической оценки с исторической, то события движутся вполне закономерно.

Понять эту закономерность — значит превратиться из раба истории в сознательную, хотя бы и бесконечно малую частицу силы, историю творящей.

I

К началу 1917 г. неизбежность революции сознавалась всем нашим образованным слоем, но его энергии и решимости не хватило даже на первый ее шаг, — на смену верховной власти.

Николая низвергла не организованная общественность, возглавляемая Государственной Думой, хотя бы в лице ее оппозиционного меньшинства, а рабочие без инженеров и солдаты без офицеров.

И после этого общественность, которой чуть не насильно всучили власть в руки, продолжала переминаясь с ноги на ногу. Сначала готова была помириться на смене личности правителя да на конституционных гарантиях, откладывая все остальное в неопределенное будущее. Потом под давлением масс, отбросив свое

правое крыло и введя в свой состав, умеренные социалистические элементы, отважилась провозгласить республику. Потом еще в чем то «уступила».

Но — «*troppo tardi, santo Padre*», — слишком поздно, святой отец, — как отвечала революционная Италия на реформы либерального папы в 1848 г. Слишком поздно и слишком мало. Бурная волна революционной стихии неудержимо неслась вперед, оставляя незрячих и нерешительных далеко позади в безвоздушном пространстве. Не по плечу им было выполнить огромную очередную задачу истории. И вот опять выступили на первый план рабочие и солдаты, на сей раз уже решительно против инженеров и против офицеров.

И началась настоящая Революция. Только в октябре началась она.

* * *

Революция занялась прежде всего жестокой, черной частью своего дела — стала выкорчевывать отжившее, загнившее.

Ее метод таков: лучше загубить десять невинных, чем пропустить одного виновного, лучше растоптать миллион ценностей, чем оставить один вредный росток. И как безжалостно топтала она, и сколько растоптала нужного...

Для такого дела непригодна была наша интеллигенция, гуманная, умственно-аристократическая, слабовольная. На первый план выдвинулись люди противоположного психического склада. Эта то противоположность и отбросила подавляющее большинство нашего образованного слоя от революционных масс. Ведь не за банкира же и помещика, не за мясника и домовладельца заступался, в самом деле, рядовой русский интеллигент, идя на саботаж советской власти.

Разрыв был неизбежен, потому что революция всегда ребром ставит вопрос: или целиком со мною, или целиком против меня. Она резко раскалывает жизнь, и раскол идет тем глубже, чем глубже была пред-революционная болезнь.

Наша русская болезнь чуть не до костей разъела весь организм, потому и русская революция превзошла по своей разрушающей силе все ранее бывшие. Она не то что расколола, а прямо атомизировала жизнь, насквозь разложила ее органическую ткань до самого костяка. Никаких соединительных тканей, ничего промежуточного не могло уцелеть в раскаленной атмосфере революционного взрыва.

* * *

Теперь мы присутствуем при несомненном падении температуры. Освобожденные от прежних сочетаний элементы начинают сближаться, вступать в новые соединения, складываться в новый организм.

Революционная власть, не отказываясь от своих конечных заданий, намечает для их выполнения такие практические пути, на коих неизбежно сотрудничество сил, доселе взаимно исключавших друг друга. Крепнет спрос на профессии и знания, на практические и даже бытовые навыки, которые еще вчера представлялись ненужными, даже вредными. Для образованного слоя начинают открываться возможности приложить свою энергию к привычным видам труда.

Параллельно с этим из состава господствующего слоя постепенно выпадают элементы, которые по своему внутреннему облику необходимы в первый период революции, но непригодны для зиждательной работы, и даже только тормозят ее ход. Точно также и в составе управляющего аппарата сокращаются органы специфической структуры и специфических методов действия, и наоборот вырастают новые, более привычного типа. Перевернула история и ту страшную 17 страницу, на которой кровью вписаны жуткие буквы Ч. К...

* * *

Очень многие представляют себе, что революционная Россия «спускается» в ту самую долину, с которой поднялась четыре года тому назад. Набедокурили, дескать, нажглись, — и поневоле возвращаются к старому. Весьма упрощенное понимание.

Что революционная Россия спускается, это верно, но она успела уже перевалить через высокий кряж, и долина, лежащая перед ней, совсем не та, из которой она когда-то двинулась в путь. Мы приходим в новое место, и устраиваться в нем придется тоже по-новому, хотя, разумеется, многое из старой жизненной техники, в широчайшем смысле этого слова, очень и очень пригодится и в новой обстановке.

«Спускаются» не одни руководящие силы русской революции. Весьма значительная часть нашего образованного слоя, так или иначе,

в силу ясного сознания хода вещей, или поневоле, но уже вступила на путь совместной работы с советским правительством.

Даже среди эмиграции происходят характерные сдвиги, и уже не со вчерашнего дня. Вряд ли стоит останавливаться на «Смене Вех». Но не характерно ли, что единая к.-д. партия перестала существовать, что трезвый, хотя и всегда опаздывающий П. Н. Милюков отказался от ее большинства и занял некоторую промежуточную позицию². Так называемая «декларация четырех» (Петрункевича³, Родичева⁴, Астрова⁵, гр. Паниной⁶) обрушилась на него, как на оскорбителя «русской (врангелевской!) армии»⁷, а белая пресса прямо высказала догадку, что он не прочь от портфеля в большевистском министерстве...

Но, конечно, П. Н. Милюков, как и другие представители интеллигенции, спускается не в ряды Р. К. П., равно как и Р. К. П. планирует не к белогвардейству.

Громче и властнее всяких программ звучит голос живой жизни, сложной, богатой, разнообразной, всемогущей. Она развивается по своей программе, еще не охваченной полностью человеческим сознанием, хотя и дает ему непрерывно жестокие, но содержательные уроки. Она перемалывает всех, и коммунистов, и антикоммунистов, и рядового обывателя по своему и делает свое дело, на которое заставляет работать все силы нации вместе.

Они далеко еще не примирены, да неизвестно, примирятся ли когда-нибудь окончательно. И надо ли это вообще? Ведь так называемый нормальный порядок отнюдь не упраздняет силы центробежной. Он только уравнивает ее центростремительной. Пророчества о временах, когда лань ляжет возле льва, или — наоборот: все львы будут истреблены, — слишком похожи на убаюкивающие сказки. Ближе к правде то, что противоборствующие элементы вечно будут существовать рядом и состязаться между собой, подчиняясь, однако, велению верховного хозяина, — Жизни, которая устроила так, что противоборствующие друг без друга существовать не могут и принуждены в одной ограде работать над одним делом, хотя бы и непримиренные.

II

Здание новой русской государственности едва лишь закладывается. В глаза бросаются, прежде всего, груды всяческого мусора, в котором так много напоминаний о пережитых жутких днях и по которому так неудобно ходить еще и сегодня. Однако основной план постройки уже можно угадать.

Новая база государственности обозначилась уже с полной отчетливостью. Это — крестьянство, под неотступным давлением которого власть едва ли уже не десять месяцев все круче и круче поворачивает руль. Что бы ни говорили, а крестьянство за время революции необычайно окрепло. У него есть теперь земля, пища, деньги, масса всяких вещей, которые оно собирало в разгромленных помещичьих усадьбах или исторгло за еду у голодного города. Ужасы, совершающиеся сейчас в гибнущем Заволжье, с общей точки зрения все-таки частность, эпизод, хотя и потрясающий⁸. В целом же деревня выбилась на торную дорогу. Теперь ей только нужно, чтобы за ней закрепили ее приобретения и чтобы ей открыли пути для дальнейших приобретений.

На этой точке она стоит упрямо, неподвижно, чувствуя свою силу. Прямых лозунгов она не выставляет, к активным выступлениям не склонна, к власти не тянется. Она предпочитает действовать пассивно. Но приемом, который непобедимее всякой активности: она берет буквально измором, отказывая городу и государству в поддержке, если принимаются неугодные ей меры. Своей цены не назначает и ждет, чтобы власть сама предложила ей подходящую цену. Но когда эта цена будет дана, государство получит в деревне неисчерпаемый источник силы. Все это, конечно, далеко от коммунизма, но совсем не похоже и на дореволюционное положение деревни, нищей и беззащитной. Не надо, однако, закрывать глаза на то, что сила, вырастающая в деревне, сейчас по всему своему складу антикультурна, узко-эгоистична, политически и экономически реакционна и перевоспитается далеко не сразу.

Противовесом ей должен послужить городской пролетариат, как элемент более восприимчивый к культуре. Он теперь в состоянии крайнего истощения, уменьшившись численно и выбитый из колеи развалом производства. Но это явление временное. Устройство деревни на новых основаниях несомненно выбросит из нее в город огромное количество пролетаризованного элемента, а предстоящее воссоздание промышленности даст ему работу.

Республику вынесет на своих плечах мелко-землевладельческое крестьянство и промышленная рабочая масса, которым придется действовать бок о бок, несмотря на противоположность их психического уклада и на расхождение их ближайших интересов. В борьбе против старого режима они уже действовали вместе, и потому победоносно. Но при устройстве нового порядка сразу столкнуться не могли. Только ряд тяжелых поражений на экономическом фронте заставил искать той линии, на которой силы сцепления могут взять

верх над силами отталкивания и прочно связать обе группы. Только получив крепкую двуединую базу, государство станет твердо, как на двух ногах.

* * *

Революция разорила дотла весь аппарат промышленности, не только крупной. Теперь расторгнутые элементы ее стремятся вновь к сближению, как в области быта, так и в сфере высшей политики. Государство, прошедшее через опыт коммунизма, и мировой капитал начинают двигаться на встречу друг другу, повинувшись всевластному велению жизни, его же не преjdeши.

Намечается какой-то совершенно своеобразный симбиоз двух сил, не имеющий прецедентов в истории.

Предполагается, по-видимому, образовать единый мощный международный синдикат, который получит монополию на экономическое восстановление России. Но и государство останется рядом с ним хозяином ряда крупных предприятий и даже целых отраслей производства. Как сложатся отношения между этими двумя хозяевами, что получится в итоге в области политической и социальной, — гадать рано, ибо мы присутствуем едва при зарождении нового, никогда еще небывалого, грандиозного опыта. Напряженнейшее состязание между ними неизбежно. Но, сохраняя за собой хозяйственные функции и имея дело с единым синдикатом, а не с раздробленной массой индивидуальных предпринимателей, государство получит серьезные возможности регулировать всю промышленную жизнь с точки зрения государственного интереса и планомерности.

В итоге получится не коммунизм, и не возрождение старого типа промышленности, а какая-то совершенно новая экономическая формула.

* * *

И в отношении состава государства Революция сделала свое дело, раздробив Империю, разорвав связи Великороссии со всеми невеликорусскими элементами.

Однако процесс распыления и тут сменяется уже процессом стягивания воедино, хотя и на совсем новых основаниях. Часть отколовшихся областей уже вернулась в состав единой Федеративной Республики, побуждаемая к тому вскрытыми революцией, про-

веренными ею и доведенными до сознания, реальными связями, экономическими и культурными. Другие новообразования, под влиянием той же причины, вступили с Федеративной Республикой в теснейший союз, перейдя к советскому устройству. Правда, что третьи сохраняют свою самостоятельность, занимая даже более или менее враждебную позицию по отношению к Российской Республике. Но такое положение не представляется устойчивым. Процесс стягивания еще не завершился.

Во избежание всяческих недоразумений, необходимо категорически подчеркнуть, что при новом укладе российской государственности не может быть и речи о насильственном подчинении самоопределившихся народов. Наоборот, уже обнаружилась, правда, в весьма еще несовершенных формах, тенденция к развитию широкой автономности даже и тех народностей, которые остаются в составе Республики, и эта тенденция должна стать одним из крепчайших устоев нашего государственного здания. Но когда это здание, в связи с предстоящим экономическим расцветом страны, найдет свой окончательный план и жизнеспособные формы, то некоторым, по крайней мере, из окраинных новообразований неизбежно придется, в собственных интересах искать теснейшего экономического и политического сближения с Республикой, чтобы не осудить себя на захолустное экономическое положение, которое слишком больно било бы по благосостоянию их граждан.

Процесс идет, следовательно, в сторону обрастания Федерации союзными республиками, и таким путем вырабатывается совершенно новая государственная структура России, новая форма безболезненного и взаимно выгодного сожительства народностей.

* * *

И с государственной властью революция распорядилась свойственным ей методом: переломала вдребезги весь административный аппарат сверху донизу, распылила власть на атомы и стала строить все с самого начала сама.

На каком фундаменте?

Революция взбудоражила до дна несметные темные низы, и в городе, и в деревне, возвала их к политическому и гражданскому сознанию. Это не может пройти даром. Впредь государственной власти уже не построить на подавлении воли масс, на возвращении народа к нерассуждающей покорности⁹. Деревня уже доказала, что это так.

Теперь власти придется почерпать свою силу в росте гражданственности масс, опираться на их активное участие в государственном строительстве. Этому условию не удовлетворят обветшавшие формы западного конституционализма.

Вера в конституционализм у нас и всегда была довольно поверхностной. Его спасительную силу отрицали все наши самобытные и смелые умы, вплоть до автора «Бесов», который характеризовал, например, французскую республику, как откровенную организацию имущих для наложения тяжкой десницы на неимущих, и предсказывал неизбежность падения ее под ударами обездоленных масс, потерявших терпение. Советы и провозгласили своей задачей найти такую организацию власти, которая бы ставила во главу угла государственной деятельности интересы огромной массы неимущих и малоимущих. Задача, которая всегда казалась подобной квадратуре круга. Насколько удастся нам приблизиться к ее решению, — покажет будущее.

Революция далее подвергла строгому практическому испытанию всех претендентов на власть и признала пригодной только небольшую, но железно организованную, группу большевиков. Им она и передала, так сказать, исполнительную власть, с очень широкими полномочиями, но верховную руководящую роль оставила все-таки за собой, подчиняя их волю своим заданиям. Вначале она заставила ядро партии допустить больше разрушения и «национализации», чем оно хотело. Теперь заставляет его строить далеко не в том духе, как оно предполагало. Революция выше партии, и партия, в рядах которой немало недальновидных и недоброкачественных элементов, потому только держится у власти, что ее верхи готовы пересматривать свою программу и тактику и перестраивать ее сообразно с велениями Революции.

Идя этим путем, власть постепенно, хотя трудно и не во всех областях равномерно, но перерождается из партийной, сектантски-кружковой в государственную. Она не боится уже заявить во всеуслышание, что для нее иной беспартийный спец, сведущий и добросовестный, дороже, чем десяток представителей «коммунистического чванства». Правда, от декларации до реализации — дистанция почтенного размера¹⁰. Но так как задачи, выдвинутые на очередь жизнью и принятые властью в программу, могут быть разрешены только на почве выполнения этой декларации, то она, конечно, и будет все более и более воплощаться в реальность, а вместе с тем и власть будет крепнуть, обогащаться рабочими силами, пускать корни в толщу национальной жизни. Это поняли наконец на Западе и приглашением на Генуэзскую конференцию признали фактически, что

новая Россия уже родилась, и что у ней есть жизнью утвержденная государственная власть, имеющая право говорить от лица народа и принимать за него обязательства.

* * *

Понять это — вовсе не значит возлюбить советскую власть и воспевать ей дифирамбы. Верноподданнические чувства и овечья покорность — такой же непригодный материал для новой России, как и безответственная контрреволюционная болтовня.

У всякой власти прорех достаточно, а у нашей наипаче. За краткое время своего существования она наделала немало ошибок. Действия ее аппарата часто поражают своей неосведомленностью и неумелостью. Канцелярии и управления кишат людьми недобросовестными и подкупными. Мириться со всем этим невозможно и с государственной точки зрения — преступно. Но все-таки у новой власти есть здоровый стержень. И все-таки ничего, кроме нее, не сумело выдвинуть страна, расквитавшись со старым режимом Ее вопиющие минусы — показатель некультурности страны. До известной степени ослабить их может только широкое привлечение культурного элемента в административный аппарат, введение независимого суда и гласность. Подорвет же их в корень только изживание финансово-экономической разрухи и народной темноты.

Создание суда уже стоит в очереди дня.

В недалеком будущем естественный ход жизни и государственная необходимость заставят снять и путы с гласности. После Генуи преодоление хозяйственной разрухи имеет шансы быстрее двинуться вперед, чем обыкновенно полагает терроризированное прошлым обывательское сознание. Медленнее всего будет изживаться наша великая некультурность. Тут уж никакими займами и никакими декретами не поможешь. Культура накапливается лишь долгим и упорным трудом из поколения в поколение. Росту, ее при старом режиме мешала тенденция, нашедшая наиболее типичное выражение в циркуляре о «кухаркиных детях» и в том, что профессионалу-педагогу предпочитался верноподданный диакон. Революция, — если и отличает кухаркиных детей, то только для того, чтобы дать им предпочтение перед барскими. Она не щадила усилий, чтобы влить просвещение в широкие массы Дело могло бы идти, но его нормальному развитию мешает преувеличенная вера в полезность коммунистического дьякона.

* * *

Итак, из бурных волн океана уже поднимается материк новой государственности.

Но это не ликвидация революции, а продолжение и завершение ее, единой и неделимой в обеих функциях: разрушающей и созидающей. Революционным методом выковывается новый государственный организм, который по самой обстановке своего рождения, должен отличаться особым богатством энергии, выносливостью, жизненной приспособленностью. Это действительно новый организм. По сравнению с империей, он получает иную социальную базу, иную экономическую и государственную структуру, иную природу власти.

Идет Россия, не коммунистическая и не белогвардейская, а подлинная Россия третьего периода, которая уже более ста лет искал своих путей, но постоянно наталкивалась на глухую стену старого режима. Теперь революция взорвала эту стену, и дорога открыта.

Перед подобной стеной стояла три века тому назад нарождавшаяся Россия второго периода и взорвала ее смутой, принесшей не меньше крови и разрушения, чем Революция. Но только пройдя через «великую разруху», великорусское московское царство смогло превратиться во Всероссийскую империю. Теперь империя перерождается в некоторое сверхнациональное объединение. Это и есть та долина, куда перевалила теперь русская жизнь, и куда спускаются разрозненные было Революцией и перевоспитавшиеся в ее огне элементы нации.

III

<...>

В староверских лагерях одни делают из зарубежных связей Третьего Интернационала предмет для насмешек, считая их ничтожными, купленными, чем-то вроде картонной декорации. Другие, наоборот, нападают на них, как на недопустимую демагогию, и страшатся их взрывчатой силы.

Вторые умнее первых. Кремлевская «демагогия» — страшное оружие, старое, испытанное. В основе ее лежит верное историческое чутье, которое подсказывает непогрешительно, за какими элементами жизни будущее и какие, несмотря на их сегодняшней блеск, уже осуждены. Кто обладает этим чутьем, ставит свои задачи в полном согласии с ходом исторической эволюции, и потому всегда и непременно в конце концов побеждает, ибо на него работает само время, ему помогает каждый оборот колеса истории.

Таким чутьем искони обладала русская внешняя политика, и оно всегда и неизменно подсказывало ей необходимость объявлять себя защитницей социальных низов и угнетенных национальностей в соседних государствах. Поддерживая низы против аристократии в Новгороде, Москва разложила и в конце концов поглотила Новгородскую республику. Поддерживая украинцев и белоруссов против господствующей польской национальности, она разложила Речь Посполиту¹¹ и овладела большей частью ее территории. Точно так же действовала она по отношению к Турции и Австрии, но за последний век запуталась¹².

Здоровая русская власть, как и все здоровое русское, всегда сохраняла в своей основе что-то мужицкое. Но, освободив помещиков указом о вольности дворянской и оставив крестьян рабами, она допустила у себя дома образование привилегированного аристократического верха, подпала под его безраздельное влияние и утратила «демагогическое» чутье. Она уже стала сомневаться, надо ли поддерживать греков, восставших против турецкой власти, и нашла возможным бить венгров, завоевавших себе свободу от австро-немецкого господства. Роль международного демагога она променяла на ремесло международного жандарма, когда, под давлением более здоровых течений, она вырвала болгар из-под ятаганов башибузуков, то устроила что-то вроде болгарской губернии, и надолго оттолкнула от себя «освобожденных братьев»¹³.

Теперь с аристократизацией власти у нас покончено, и «демагогическое» чутье возрождается с новой силой. Россия из жандарма опять превращается в агитатора и распространяет свою пропаганду по всему миру, придавая ей небывало радикальное содержание. Она опять попала в великое историческое русло.

Тут подход к пониманию всемирного значения русской Революции.

* * *

Как будто странно звучат такие речи теперь, когда мы находимся сами в таком убогом, неблагоустроенном состоянии, но ведь не лучше выглядела Россия, когда вступал на престол кандидат воровских казаков, первый Романов¹⁴. И великий Петр оставил ее с переломанным административным аппаратом, истощенную хозяйственно, сбитую с толку идейно и психологически, даже язык русский варварски перекалечил¹⁵. Необычайно живучий, выносливый организм, развивающийся какими-то скачками. Сегодня — на одре смертном,

завтра — на вершине мощи. Пора это осознать, понять, что и болезнь наших дней — не к смерти, а «да явится слава божия».

Да никто и не верит всерьез, чтобы Россия надолго была выведена из строя. Наоборот кто с опаской, кто с надеждой, ждут, что вот она встанет и выпрямится во весь рост. Все международные комбинации, которые устраиваются за время ее отсутствия, чувствуют себя неуверенно. Все это делается «пока», сметывается на живую нитку. Надо же как-нибудь существовать, пока эта странная Россия каким-то странным способом разгораживает свои внутренние дела.

Особенно это чувствуется на настроениях послевоенных и после-революционных новообразований.

Вот несколько фактов.

Председатель литовского парламента, обсуждая литовско-польские отношения, говорит: «Лучше нам перенести польское нашествие и временно даже потерять свою самостоятельность, чем пойти па такое соглашение с Польшей, которого ожившая Россия нам никогда не простит».

Министр Юго-Славии считает величайшей ошибкой, что сербские солдаты помогали англичанам в Архангельске. Сербское ружье не должно стрелять в русского солдата, хотя бы и теперешнего. Сербский народ слишком связан с русским, и не в сербских интересах ссориться с новой Россией.

Болгарский публицист вздыхает о тяжком положении своей страны, ограбленной и окруженной злобой соседей. И нельзя ей надеяться ни на что лучшее, пока не вернется Россия.

Версальские закройщики кроили неумело, ни с экономической, ни со стратегической, ни даже с этнографической точки зрения. А их подзащитные и того хуже. Созданы нежизнеспособные формы, только провоцирующие на новые конфликты. Перестройка неизбежна. При версальском методе это ведет к новой крови. Революционная Россия выковывает новый метод, новые формы мирного сожительства народов, как сказано выше, и эти формы имеют все шансы перешагнуть за пределы бывшей империи, послужить толчком для перестройки всей системы международных отношений.

Полное раскрытие этого процесса на европейской и азиатской почве — дело далекого будущего. Но он несомненно будет развиваться. Единственно, что могло бы ему помешать, это какие-нибудь отрывки «великодержавства» с нашей стороны, рецидивы завоевательных и обрусительных тенденций. Но это совершенно не в духе новой России. Гнилое и самоубийственное оружие брошено безвозвратно. Теперь речь идет об образовании добровольных связей свободных

народов с нашей федерацией, — связей, лишенных и тени внешней принудительности. Их росту будет способствовать сам собою всякий успех нашего внутреннего строительства.

* * *

Стены, воздвигаемые между народами взаимной ненавистью и приходским патриотизмом, должны уступить давлению правильно понятых выгод, проистекающих для широких масс вообще и для каждой народности в частности от свободного и беспрепятственного общения, экономического и культурного. С этим знаменем великого братства народов выходит в мир новая Россия.

За это знамя, инстинктивно чужая его силу и будущность, хваталась и императорская Россия за последние сто лет своего существования. Но в ее руках братство превращалось в примученную Польшу¹⁶, в возглавляемую Евлогиями¹⁷ и Бобринскими¹⁸ Галичину¹⁹.

Но то же знамя воздвигали все лучшие и самые глубокие русские умы XIX-го века, без различия партий и индивидуальных уклонов, и декабристы, и Пушкин, и славянофилы, и западники, в том числе и такой непримиримый враг великодержавна, как Герцен.

«Только сгруппировавшись в союз свободных и самобытных народов, славянский мир вступит, наконец, в истинно-историческое существование... Мы имели бы право считать Россию зерном кристаллизации... если бы петербургское правительство сколько-нибудь догадывалось о своем национальном призвании».

Мы отделились от петербургского правительства. На лицо и другое условие Герцена: найден основной элемент для постройки нового здания, — элемент, который «должен соответствовать революционной идее в Европе». Путь к всеславянскому союзу открыт. Более того, уже есть указания, что в этот союз могут войти и некоторые соседние народы Азии.

Одно предвидение Герцена уже оправдалось: «В нашей жизни в самом деле есть что-то безумное... Россия никогда не будет *juste milieu*²⁰. Россия никогда не сделает революцию с целью отделаться от царя и заменить его царями-представителями, царями-судьями, царями-полицейскими». Мы в самом деле отважились на путь, перед которым содрогается парламентарная Европа, и который «идет, может быть, через развалины отцовского дома, через обломки минувших цивилизаций, через попорченные богатства новейшего образования»²¹.

Человек, умевший так пророчествовать, очевидно обладал глубоким пониманием путей исторического развития. На этих путях он, согласно со многими другими, прозревал великий сверхнациональный союз, ядром которого явится Россия, преображенная в огне революции. Последующий ход событий, и особенно события современные позволяют опереть это прозрение на ряд новых фактов.

Россия на наших глазах, пройдя через крайнюю степень дезорганизации, разбудила в своих глубинах необычайно мощные организующие силы, которые непременно вызовут встречный отклик далеко за ее пределами. И раздробленное начнет стягиваться воедино.

* * *

Что это? Третий Рим, или Третий Интернационал? Ни то и ни другое. Третья Россия. Какое имя соизволит она на себя возложить — никто еще не знает. Но имя это будет знаменовать новый этап в *бесконечном* пути человечества к всемирному объединению.

